

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Къ № 189

Къ № 189

Воскресенье, 31-го августа 1903 года.

Дацанъ-модель въ Читѣ.

Помѣщенный въ этомъ номерѣ рисунокъ представляетъ здание, построенное въ Читѣ къ дню открытiя промышленной выставки въ 1899 г. Выставочному комитету или, точнѣе, одному изъ его членовъ, А. К. Кузнецову, который тогда завѣдывалъ Читинскимъ музеемъ, его же старанiями и основаннымъ, пришла удачная мысль выстроить для выставки коллекцiй по буддизму здание въ видѣ дацана, т. е. буддiйскаго храма. У него былъ вѣрный расчетъ на сочувствiе буддiйскаго духовенства среди бурятъ, которое могло надѣяться, что большая систематическая коллекцiя, помѣщенная въ отдѣльномъ зданiи, будетъ содѣйствовать установленiю въ русской средѣ болѣе вѣрныхъ понятiй о буддизмѣ взаимнѣ тѣхъ ложныхъ объ немъ представлений, какъ объ язычествѣ, какiя распространены въ мѣстномъ русскомъ обществѣ. И дѣйствительно буддiйское духовенство Забайкалья, руководимое своей главой хамбо-ламой Еролтоевымъ, который сочувственно относится къ европейскому просвѣщенiю, не только составило богатая коллекцiя принадлежностей культа, но и собрало значительную сумму на постройку храма. Вышли власти въ области, и свѣтская и духовная, отнеслись къ предпрiятiю г. Кузнецова благосклонно, но потомъ въ городскомъ обществѣ неожиданно проявилось къ этому дацану-модели сильное враждебное отношенiе, которое если не совсѣмъ погубило постройку, то по крайней мѣрѣ очень задержало ее. Нашлись въ городѣ фанатики, которые не могли допустить мысли, что бы въ православномъ городѣ, рядомъ съ православными храмами, появилась, какъ они невѣжественно думали, языческая кумирня. Вадумай читинскiе татары строить въ Читѣ мечеть и то же самое общество отнеслось бы къ этому факту безъ волненiя; къ мечетямъ привыкли, мечети встрѣчаются въ городкахъ рядомъ съ церквями и не вызываютъ въ населенiи никакого ужаса, не смотря на то, что мораль мусульманская гораздо дальше отъ христіанской, чѣмъ буддiйская. Нѣкоторые доводы читинцевъ, почему нельзя допустить постройку буддiйскаго храма въ православномъ городѣ, были очень курьезныя, совершенно въ китайскомъ родѣ; напримѣръ говорили, нельзя допустить, чтобъ въ православномъ городѣ, въ которомъ у православныхъ жителей дома только двухэтажныя, былъ построенъ трехэтажный буддiйскiй храмъ и настаивали, ужъ если рѣшено строить, то по крайней мѣрѣ строить только двухэтажныя. Однако г. Кузнецову удалось убѣдить тѣхъ членовъ выставочнаго комитета, которые приняли сторону фанатиковъ, что модель должна точно передавать подлинникъ, иначе это не будетъ модель, а поэтому нужно строить трехэтажное зданiе, такъ какъ буртiйскiе буддисты всегда строятъ свои храмы изъ трехъ этажей, которые должны представлять три періода всякаго существованiя: нижнiй этажъ прошедшее, среднiй современное, и верхнiй будущее.

Этотъ эпизодъ съ постройкой показалъ, какъ мало еще вѣротерпимости въ нашемъ обществѣ. Одинъ читинскiй обыватель написалъ противъ выставочнаго комитета статью въ такомъ изувѣрскомъ тонѣ, что сами его единомышленники устѣдились ее и спрятали, когда узнали, что противники ищутъ рукопись, чтобы напечатать изъ нея извѣщенiя. Впрочемъ въ такомъ неуважительномъ отношенiи къ чужой вѣрѣ нельзя сильно обвинять средняго обывателя; къ этому его приучаютъ тѣ, которые стоятъ выше его, по своему образованию. Можетъ быть, это оттогло уже въ прошлое, а только еще не такъ давно

было обыкновенiе у мѣстныхъ уѣздныхъ властей угощать важныхъ посѣтителей край и путешественниковъ „дамами“ т. е. религиозными плясками. Власть приказывала, и буддiйскiя духовныя лица исполняли „дамы“. Мы не думаемъ, что тамъ такой церковный обрядъ, который можно исполнить въ угоду свѣтскаго любопытства или хотя бы и любознательности! Эти дамы, исполняемые по прихоти свѣтскихъ людей, съ одной стороны приучаютъ буддiйское духовенство къ подобию, съ другой—мѣшаютъ въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ воспитываться уваженiю къ чужой религи. Намъ не называли ни одного значнаго путешественника, который бы оказался настолько истинно религиознымъ человекомъ, что отказался бы отъ такого антирелигиознаго угощенiя.

Буддiйскiе храмы въ Монголи соединяютъ въ себѣ стили тибетскiй и китайскiй, а въ землѣ

параллельно положенныя круглыя бревна; концы этихъ бревенъ немного высовываются изъ поверхности стѣнъ, которая продолжается выше крыши еще на аршинъ. У тибетскихъ храмовъ эти концы иногда одѣваются мѣдной обшивкой. Въ свѣрхнихъ постройкахъ концы балокъ не видны сваружки зданiя, но подъ карнизомъ все таки пріеются круги.

Надъ входомъ на переднемъ краѣ крыши устанавливается эмблема культа, такъ называемое „хорло“, въ русскихъ книгахъ извѣстное подъ именемъ „колеса вѣры“. Это колесо съ восемью радиусами внутри, а по бокамъ его двѣ лани. На углахъ храма утверждаются „джалцаны“, металлическiе цилиндры, наполненные молитвами; а на верхней крышѣ „ганджиръ“, маковка.

Г. П.

Дацанъ-модель въ г. Читѣ.

бурятъ тибетскiй, китайскiй и русскiй. Чисто тибетскiе храмы напоминаютъ египетскiе; такія же раскосыя стѣны, такъ что зданiе кверху суживается (такая же раскосость соблюдается и у косяковъ оконъ, такъ что простѣнки между окнами внизу уже), такія же, какъ у египтянъ надъ входомъ въ храмъ изображенiя колеса или круга. Впрочемъ раскосыя стѣны встрѣчаются только тамъ, гдѣ постройка возводится изъ камня; деревянныя храмы имѣютъ отвѣсныя стѣны. Крыша у тибетскихъ храмовъ, какъ и у египетскихъ, горизонтальная. Въ Монголи и въ землѣ бурятъ крыши дѣлаются въ китайскомъ стилѣ, т. е. четырехскатныя съ завороченными къ верху углами и краями. Русское влiанiе въ буртiйскихъ постройкахъ ограничивается пока въ постройкѣ оконъ. Колонны веранды дѣлаются въ китайскомъ вкусѣ, антаблемента надъ колоннами украшаются тибетскимъ орнаментомъ, который состоитъ изъ нѣсколькихъ горизонтальныхъ рядовъ мелкихъ кубиковъ, окрашенныхъ въ разныя цвѣты; каждый рядъ выступаетъ надъ ниже лежащимъ. Ниже этого карниза вдоль стѣны идетъ рядъ рѣдко разставленныхъ круговъ или круглыхъ блихъ. Эти круги—память о тибетскихъ частныхъ постройкахъ, послужившихъ прототипомъ для буддiйскихъ храмовъ; въ тибетскихъ домахъ горизонтальная крыша настигается на

DE FLORIBUS.

Хризантемы.

Ихъ была масса вездѣ этихъ цвѣтовъ прекрасной Японiи—золотистыхъ махровыхъ хризантемъ; они наполнили всю большую нарядную комнату, выглядывали пышными головками изъ дорогихъ тонкихъ вазъ, принимали къ окнамъ, поднимаясь изъ роскошныхъ фарфоровыхъ цвѣточныхъ горшковъ, къ окнамъ, изъ-за которыхъ глядѣло на нихъ блѣдное холодное небо.

Нерѣдко на нихъ изъ-за стеклъ смотрѣли удивительно нарисованные морозомъ тонкіе узоры, листья невиданныхъ растений, таинственно красныя, которые растопляли лучи солнца, гнавшие ихъ съ окна, чтобы дать больше свѣта своимъ комнатнымъ любимцамъ, которыхъ они всегда старались приласкать.

Вечерами съ высокаго потолка свѣтили голубой фонарь, и въ полусумракѣ тихой комнаты грустно никли пышныя головки хризантемъ, вспоминая лунныя ночи родины.

Иногда они отцвѣтали, печально осыпая лепестки, умирая безъ свѣта и свѣжаго воздуха съ тоской о родиנѣ; но чаще ихъ срывала тонкая рука съ синенькими жилками, и горячія губы принимали къ ихъ золотистымъ лепесткамъ; потомъ ихъ искусно закладывали въ пышныя темныя косы, высоко положенныя на маленькой прекрасной головкѣ, и они умирали счастливыя, вспоминая о поцѣлуяхъ, умирали, вдыхая ароматы темныхъ надушенныхъ волосъ, заколотыхъ длинными фигурными шпильками.

Она, эта маленькая тонкая женщина, съ большими черными печальными глазами, престельнымъ пуночковымъ ртомъ и яркими пятнами румянца на матовомъ личикѣ была лучшимъ цвѣткомъ нарядной комнаты, престельнымъ махровымъ хризантемомъ. Вѣдетъ съ золотистыми цвѣтами она смотрѣла на узору мороза, вмѣстѣ съ ними улыбалась зимнему солнцу и тосковала также страстно, какъ цвѣты, о синемъ небѣ далекой Японiи, ихъ общей прекрасной родины, куда ей не суждено было вернуться... Смотри на голубой фонарикъ, на пышныя головки цвѣтовъ, она думала о ней и часто плакала, зарываясь въ подушки темной головкой, горькими тайными слезами, сожалея о томъ-же, о чѣмъ жалѣли золотистые хризантемы.

Она прятала свои слезы, потому что „онъ“ не любилъ ихъ, онъ,—этотъ высокій ласковый человекъ, безгранично ее любившiй, съ глазами, похожими на блѣдно голубое небо, которое глядѣло въ окна, любившiй и ласкавшiй ее, какъ солнце любило и ласкало хризантемы; онъ только не любилъ ей тоски, онъ желалъ видѣть ее счастливой и веселой, и она улыбалась ему, по-

тому что любила его, как ее любили хризантемы, тихо, безропотно умирая на его холодной родине, как они умирали для нее в ее волосах. Захваченная тучным недугом, ради своей любви, она бросила теплое небо любимой далекой родины и вjala под чуждым холодным небом, как влиа кругом нея цветы в дорогах и рѣдких вазах... Бѣдный прекрасный цвѣток!

— Зачѣмъ ихъ такъ много тутъ, этихъ цвѣтовъ? — сердился доктора, — они портятъ воздухъ... унесите хотя половину въ другія комнаты!

Но темные глаза съ такою мольбой смотрѣли на нихъ, тонкія, точно восковая, руки тянулись къ цвѣтамъ, крупная слеза блестѣла на длинныхъ рѣсницахъ — и мужъ, испуганный ея тоскою, привозилъ ей ихъ еще болѣе, самыхъ лучшихъ, самыхъ дорогихъ, какіе только могъ достать въ теплицахъ...

И они всѣ завяли, завяли въ одинъ тусклый зимній день, когда мятель затянула бѣлою пеленою большія окна; завяли, не жалуясь, хотя ихъ безжалостно срывали его руки для того, чтобы оспаать ими ее — лучшей хризантемы.

И золотистые цвѣты, умирая, гнѣжно прижимались къ бѣдному лицу и высоко зачесаннымъ волосамъ прекрасной головки, покрыли гнѣжные пальцы рукъ, легли на грудь и цѣлою грудю оспали маленькія ноги. Умирая, они грезили о родинѣ, какъ грезила и она, о теплой Японіи, о снѣжъ небѣ; имъ слышался плескъ волнъ родного моря и надъ ними, тихо шелестя вѣтвями, шептались туювые деревья родной стороны!...

Незабудки.

— Барышня милая, возьмите пожалуста, незабудки; барышня, голубушка!...

И дѣвочка лѣтъ десяти босоногая въ худенькомъ цвѣтшѣмъ темномъ сарафанчикѣ неотвязно, шагъ за шагомъ, ступала за нарядной дѣвчушкой, и ее голубые, похожіе на незабудки, глаза съ гнѣмою мольбой смотрѣли на молодое симпатичное лицо.

Барышня первая сходила на пристань по трапу съ большого бѣлаго парохода, ее манила утренняя свѣжая зелень, осыпанная росой, манила темно-зеленая сѣнь бора, и она снѣшила воспользоваться короткой остановкой, чтобы подышать смелистымъ воздухомъ хвои, переишаннымъ съ запахомъ отцвѣтающей черемухи.

Дѣвочка, первая вzbравшаяся на пароходъ, опередившая всѣхъ своихъ товарищей и товарокъ, тоже принесшихъ цвѣты, видимо мѣшала ей своимъ приставаньемъ, и она дѣлала видъ, что не замѣчаетъ ее; но что-то задумчивое, невыразимое, звучавшее въ голосѣ ребенка, заставило ее остановиться и внимательно поглядѣть на дѣтское личико, милоевидное — оно смотрѣло на нее голубыми, полными просьбы, глазами, а загорѣлыя руки протягивали ей нѣсколько букетиковъ незабудокъ, крупныхъ, темно голубыхъ, такихъ-же чистыхъ и гнѣжныхъ, какъ дѣтскіе глаза!

— Ты ихъ сама собирала?

— Да, сама... самая, самая хорошія, всѣхъ крупнѣе: я далеко къ болоту заходила за ними.

— Сколько тебѣ нужно за нихъ? я возьму вотъ эти... будетъ! и дѣвчушка, вынула мелкую серебряную монету изъ сумочки, приколотой къ поясу, подала ее дѣвчкѣ.

— Нѣтъ! потупишь та.

— Тебѣ мало этого? ну, тогда возьми еще!...

и, уже недовольная, она протянула монету.

Но дѣвочка не взяла и эту, робко, точно испуганная, отодвинулась даже, а на голубыхъ, похожихъ на незабудки, глазахъ сверкнули слезы.

— Мнѣ не надо! смущенно прошептала она; — не надо, милая барышня... я хотѣла только... И она не кончила, еще ниже склонивъ русую головку, сама испуганная своей смѣлостью.

— Ты хотѣла... чего-же хотѣла ты, да ободришь, подними личико... вотъ такъ!... ласково склонилась къ ней барышня, — говори-же, не бойся; чего хотѣла-ты?

— Вы, вѣдь, въ городъ плывете, туда, далеко... и она показала глазами внизъ по течению,

тамъ есть больница... Мамку мою увезли въ нее, двѣ недѣли будетъ ужъ, али болѣе... она хвора, лечить ее надо было... вотъ скушно мнѣ безъ нея, а мамѣ тамъ скушно: никто туда ѣхать не ѣдетъ, прописать — тоже не кому... грамотныхъ

Сибирскіе хризантемы.

нѣту. А мамку, сказывали, продержатъ до ягодъ; не съ гнѣмъ вѣсточки ей послать... вотъ я и надумала, вѣдь пароходы все туда идутъ, въ городъ... Барышня милая, возьми ты всѣ цвѣточки мои, только сходи тамъ, какъ пріѣдешь, къ мамкѣ, скажи, чтобы не томилася; поклонь, молъ, Лушка

— Не забываетъ; найду, не забуду твою маму, поклоню и все передамъ!

Съ руками, полными цвѣтовъ, барышня снѣжно шла къ пароходу, а дѣвочка бѣжала за ней съ разумявившимся личикомъ и радостными глазами.

Пароходъ отчалилъ; красивый и стройный — онъ, повернувшись, двинулся впередъ внизъ по рѣкѣ, залитый солнечнымъ свѣтомъ. Барышня перешла на сторону берега и, подойдя къ периламъ, глядѣла на толпу зрителей, изъ которой ясно выступала маленькая русая босоногая дѣвочка въ старомъ, вылиняшемъ темномъ сарафанчикѣ, смотрѣвшая на пароходъ большими счастливыми, похожими на незабудки, голубыми глазами; она улыбалась отъѣзжавшей, кланялась ей, а дѣвчушка тоже улыбалась ребенку, махая букетомъ незабудокъ...

— Не забуду!.. Звонко крикнула она, не забывая, дѣвочка. Я ничего не забуду!...

Лилии.

— Ахъ, какія чудныя; живыя точно! какъ удалися!.. Ты художница, Анота; мнѣ бы ни за что не вышить такъ!

И, склоняясь бѣднымъ лицомъ къ вышивкѣ, молодая монахиня не отрывала отъ нея восхищенныхъ глазъ; съ темно-малиноваго бархата на нее глядѣли бѣлыя лиліи чистыя, гнѣжныя, прекрасныя, вышитыя искусными руками задумчивой дѣвчушки бѣлицы подъ тихое гнѣие псалмовъ и молитвъ.

— Удалися! говорить она тихимъ мягкимъ голосомъ, поправляя темный платокъ на свѣтлорусыхъ волосахъ. — Я даже сама недумала — истинно! — что такъ выйдутъ.

И откинувшись на жесткую спинку стула, она уставяи глазами смотреть на цвѣты.

— Точно живыя... Посмотри, Анота, не отличить.

И бѣдное лицо матери Маргариты въ рамкѣ чернаго апостольника склоняется еще ниже къ цвѣтамъ; въ рукахъ ея Лилия, вынутая изъ чашки съ водою, живая Лилия, служившая моделью для работы.

— Эта точно хуже твоихъ; побѣдила уже, а тѣ какія дивныя!

— За-то эта — живая, матушка. Эта пахнетъ какъ чудно, а тѣ — мертвыя: точно мы-монахини; отъ этой — ароматъ два дня въ комнатѣ бытъ... жалъ ее, завяла скоро!..

Тихая печаль звучитъ въ голосѣ Аноты объ умирающемъ цвѣткѣ, ароматомъ котораго она наслаждалась.

Задумчиво слушаетъ ее мать Маргарита, она выпрямилась и смотреть на цвѣтокъ въ своей рукѣ, на его чистые, начавшіе блѣкнуть, лепестки; она подноситъ его къ своему лицу, вдыхаетъ его ароматъ, и глаза ее, большіе красивые, темные глаза свѣтятся тихой покорной печалью; она задумывается, надъ нимъ — ли или надъ своей жизнью, такой еще молодой, но уже лишеной всѣхъ радостей міра.

— Мертвыя лиліи... да отъ — мертвыя, а эта жила, радовала глаза, несла ароматъ... ее цѣловали солнечные лучи, ее ласкалъ вѣтерокъ, соей ея пили бабочки, а эти, — мертвыя прекрасныя цвѣты никому не дадутъ аромата, ими только любуются, и онъ лезать холодныя бѣдныя на темно-малиновомъ бархатѣ, какъ она, какъ Анота... Черный апостольникъ давить ей бѣлый лобъ, можетъ быть это отъ думъ болитъ оно, но все-же она снимаетъ апостольникъ, чтобы дать головѣ облегченіе, и густые темные, пышные волосы, свободные отъ этого монашескаго покрыва, мягко, точно ласкаясь, опускаются на ея чистый лобъ.

— Анота, милая!

— Что, матушка? поднимаетъ та голову, снова склоненную надъ вышиваньемъ.

— Ты правду сказала: мы — лиліи мертвыя, лиліи, такія-же холодныя, такія-же строгія, какъ эти на бархатѣ!

— И такія-же печальныя, матушка! добавляетъ Анота.

Объ смотреть другъ на друга печальными глазами, а на нихъ смотреть бѣлые прекрас-

Скалы на Енисей.

посылаетъ, здорова, съ Алешки глазъ не спускаетъ, Настю тоже блюдеть. Отецъ наши почесъ всѣ оположь съ дялей Макаромъ; корова пестря теленочка принесла бусенокъ; и его славно пою... и всѣ, молъ, всѣ здорово!... пусть не заболитъ!... Скажешь, штоли, родная!

И голубые незабудочки — глаза съ мольбою глядѣли въ лицо прѣзжей барышни, загорѣлыя руки протягивали къ ней букетики незабудокъ свѣжіе, чистые, еще влажные отъ неупсѣвшей высохнуть утренней росы.

— Гдѣ же твоя мама, скажи мнѣ точнѣе: въ городѣ много больницъ!

— Эта — большущая, бѣлая, около большого саду, али роци; церква тутъ же на площади огромная: я ее примѣтила нарочно, какъ маму провожала. Нога, вишь, у ней заболѣла, у мамы-то, маялась долго, тышь увезъ ее въ городъ и меня бралъ съ собою провожать. Ужъ какъ мама наказывала, какъ наказывала вѣсти посылать о дѣтяхъ, а съ гнѣмъ ихъ посылать; всѣ, почестъ, на пашняхъ хлѣбъ плоть да съ пахотой управляются; вотъ я и надумала!... Возьми цвѣточки ради Христа, барышня милая, только дойди до маманки!

Гулкій призывной свистокъ парохода возвѣстивъ о концѣ краткой остановки; барышня взяла цвѣты изъ рукъ дѣвочки и, склонившись, крѣпко ее поцѣловала.

— Какъ зовутъ маму твою?

— Акулина! Карпенковы мы пишемся... поклонь то отъ Лушки, барышня, не забудь, отъ Лушки... не забудешь, вѣдь?

ные цветы, ясно и отчетливо выступая из темного фона бархата своими задумчивыми головками... Со стола поблекшая лилия, опять опущенная в воду, шлетъ имъ свой послѣдній ароматъ.

Грустно виднѣтъ монахини своими молодыми лицами, такими-же блѣдными и красивыми, какъ лепестки чистыхъ цветковъ... Бѣдныя мертвыя лиліи!..

А. Мирская.

Къ рисункамъ.

Къ виньеткѣ. Мы даемъ рисунокъ не съ японскихъ, а сибирскихъ хризантемъ (*Chrysanthemum Zeusan themum*), снятыхъ съ томенскихъ экземпляровъ. Растеніе въ окрестностяхъ Томска называется «бѣлой ромашкой», а въ Европейской Россіи «попами» или «поповникомъ».

Г. П.

природа, старовѣръ, поборникъ «древняго благочестія», фанатикъ, мечтающій о мифическомъ Бѣловодѣ—странѣ, гдѣ люди живутъ «постаринѣ», молятся «по іосифовскимъ книгамъ», не знаютъ «табачнаго зелья» и «китайской поганой травы», не нуждаются въ паспортахъ съ ихъ «антихристовой печатью», не знаютъ ни «никоніановской ереси», ни налоговъ, ни начальства. — Мечты о Бѣловодѣ, гдѣ нѣтъ начальства, легко объяснить образомъ дѣйствій ближайшихъ представителей государственной власти въ видѣ блаженной памяти земскихъ застѣателей и горнозаводскихъ властей, не различавшихъ закона отъ личнаго произвола, о чемъ исторія собрала уже богатѣйшій и вполне достовѣрный матеріалъ... Нерѣдко старовѣры пасѣчникъ грамотенъ, онъ любитъ читать и разсуждать «о божественномъ», но изъ этихъ разсуждений видно, что онъ слѣпой приверженецъ буквы, старинныя, поклонникъ авторитета. Его критическая мысль въ религіозныхъ вопросахъ связана, отвлеченная въ формы, выработанныя ранѣе другими. — Однако попадаются пасѣчники и болѣе добродушные и общительные, которые любятъ побесѣдовать и о житейскомъ. Такой пасѣчникъ можетъ разсказать немало интереснаго и о былыхъ «набѣгахъ киргизцевъ», и о бытѣ первыхъ бухтарминскихъ насельникахъ—бухарминскихъ каменщиковъ (поселившихся въ горахъ, по мѣстному: въ камню), и

«Я сидѣлъ въ темной комнатѣ. Докторъ далъ мнѣ въ руки толстую картонную коробочку. Изъ нея изливался тихій, ровный, блѣдный таинственный свѣтъ. Я пріоткрылъ коробочку и увидѣлъ болѣе сильный, но все такой же таинственный свѣтъ. Онъ казался круглой заѣздочкой, онъ свѣтился, но не освѣщалъ. Когда же докторъ рядомъ съ нимъ поставилъ непроницаемый экранъ, то экранъ началъ изливать такой же таинственный, голубоватый свѣтъ. А въ комнатѣ было такъ же темно. И, вдругъ, засвѣтились два маленькихъ блѣдныхъ фосфорическихъ глаза. То свѣтились два маленькихъ брилліанта на кольцѣ. Имъ далъ этотъ свѣтъ все тотъ же таинственный порошокъ въ видѣ крупныхъ крошекъ табаку.

— Возьмите коробочку и положите ее въ портсигаръ, а портсигаръ спрячьте въ карманъ,—сказалъ мнѣ ученый.

И на сюртукѣ моею засвѣтилось тѣмъ же голубоватымъ цвѣтомъ пятнышко.

— Но, докторъ,—сказалъ я,—вы дадите зрѣніе слѣпымъ?

— Нѣтъ, я зрѣнія слѣпымъ дать не могу. Но я даю имъ сильное свѣтоощущеніе. Закройте глаза.

Я закрылъ глаза и почувствовалъ, что докторъ приближалъ ко мнѣ какой-то предметъ. И сквозь закрытые глаза я увидѣлъ свѣтъ. Я не только ви-

Пасѣка въ долині Хайръ-Кумына.

Пасѣка въ долині Хайръ-Кумына. Нерѣдко въ самой непроходимой глуши Алтая можно встрѣтить нѣсколько десятковъ, а иногда и сотенъ, первобытныхъ ульевъ-колодокъ (происходитъ отъ слова колода). Это—пасѣка, затерявшаяся посреди горныхъ дебрей, куда ведетъ лишь узенькая верховая тропа. Тутъ-же на пасѣкѣ амшанникъ—помѣщеніе, куда ставятся на зиму колодки. Пасѣчникъ живетъ въ балаганѣ, и только на нѣкоторыхъ большихъ пасѣкахъ выстроена болѣе прочная изба. На пасѣкахъ, находящихся въ мѣстностяхъ, гдѣ бродятъ медвѣди, выстроены лабазы—площадка на высокихъ толстыхъ жердяхъ или бревнахъ. На такомъ лабазѣ караулятъ лакомого до меда Мишку или спятъ робкій пасѣчникъ. Лѣтомъ во время роенія на пасѣкѣ идетъ дѣятельная жизнь, но за зимой мертвая тишина, всюду суровый сибиря. Настоящій рисунокъ изображаетъ пасѣчный домикъ въ долині Хайръ-Кумына (у мѣстнаго населенія извѣстнаго подъ именемъ Химира), горной рѣчки, падающей въ Бухтарму. Пчеловодство играетъ крупную роль въ экономической жизни Алтайскаго населенія, въ особенности Бухтарминскаго района, и потому путешествующій на Алтай часто можетъ встрѣтить двѣа—пасѣчника. Это особый типъ, созданный мѣстными условіями. Это не гололедейскій пасѣчникъ Рудый Паньчо, веселый балагуръ-юмористъ съ острымъ языкомъ и богатой фантазіей. Нѣтъ, это не рѣдко суровый, какъ и окружающая

о медвѣдяхъ—этихъ врагахъ алтайскаго пчеловода. Разказы его просты, реальны, безъ подмѣсы фантазіи—да алтайскій житель, какъ и сибирякъ, кажется, вообще не мастеръ фантазировать, а болѣе широкую часть сухо—протоколенгъ: его разказы интересны лишь потому, что интересна сама жизнь, о которой они повѣствуютъ.

Добродушный алтайскій пасѣчникъ угоститъ почитателя свѣжими сотами и даже обидится, если ему предложить за это денежную благодарности.

Новости наукъ и изобрѣтеній.

Еще о радіи. Это новое вещество,—пишетъ сотрудникъ «Нов. Вр.»,—грозило опрокинуть не только всѣ практическія примѣненія науки, но и самыя основы ея. Это вещество пріоткрываетъ предъ нами завѣсу въ таинственный міръ.

Представьте себѣ желтый порошокъ, похожій на крупныя крошки табаку.

«Одинъ граммъ этого вещества, не теряя ни вѣса, ни остальныхъ своихъ свойствъ, приводитъ въ кипѣніе 1 кубическій сантиметръ воды. Достаточно положить это загадочное вещество рядомъ съ сосудомъ съ водой, и черезъ часъ вода закипаетъ...

дѣлъ его, но и опредѣленно указалъ, что свѣтъ этотъ подвинулся слѣва направо вверхъ.

— Вотъ видите,—сказалъ мнѣ врачъ,—вы съ закрытыми глазами уподобились слѣпому, но все-таки вы ощущаете свѣтъ. Деянство восемь процентовъ слѣпыхъ, даже съ совершенно атрофированными глазами нервами, испытываютъ свѣтоощущеніе. Это чувство отличается отъ зрѣнія. Свѣтоощущеніе происходитъ отъ дѣйствія свѣта на всю сѣтчатку глаза, тогда какъ зрѣніе—отъ раздраженія только опредѣленныхъ точекъ сѣтчатки, гдѣ къ ней соприкасаются нервы. При атрофій нервовъ происходитъ потеря зрѣнія, но не свѣтоощущенія. Теперь моя задача заключалась въ томъ, чтобы дать слѣпому возможность воспринять опредѣленное свѣтоощущеніе. А для этого необходимо, чтобы онъ былъ въ абсолютной темнотѣ и чтобы свѣтъ, воспринимаемый имъ, не освѣщалъ той среды, въ которой онъ находится. И вотъ радій совершенно удовлетворяетъ этимъ условіямъ. Онъ даетъ на непроницаемомъ экранѣ ровный свѣтъ, причѣмъ комната остается въ абсолютной темнотѣ, и слѣпой воспринимаемъ только свѣтъ на экранѣ.

Мальчикъ, слѣвороджденный, глядитъ на освѣщенный радіемъ экранъ.

— Что ты видишь?

— Свѣтъ.

Къ экрану подносится палочка.

— А теперь?

— Теперь уже не такой светъ, на немъ полоска. Къ экрану подносить двѣ палочки.

— А теперь?
— Двѣ полоски.

Подносится буква „о“. Я забылъ прибавить, что мальчикъ грамотенъ и читаетъ бѣгло по рельефнымъ буквамъ. Онъ прекрасно „видитъ пальцами“. Я забылъ еще сказать, что мальчика предварительно приучали переводить осязательныя представления на свѣтоощутительныя. Онъ умѣлъ сочетать эти два разныя представления. Далось это не сразу, въ нѣсколько уроковъ.

— А теперь.

— Кружокъ: буква о.

Идетъ опять съ цѣлымъ рядомъ буквъ. Мальчикъ ихъ успѣшно читаетъ.

Затѣмъ къ экрану подносится простое слово: да.

— Ад,—говоритъ мальчикъ.

— Онъ читаетъ наоборотъ,—замѣчаетъ докторъ,—потому что на свѣтлѣнѣ глаза получаетъ обратное впечатлѣніе, а онъ еще не привыкъ понимать, что нужно произносить обратно свѣтоощутительному впечатлѣнію.

Слово „баба“ мальчикъ читаетъ „абаб“, но послѣ нѣсколькихъ опытовъ, слѣпой начинаетъ координировать буквы обратно впечатлѣнію и читаетъ правильно.

— Вы видите,—объясняетъ докторъ,— что я не могу при помощи радія возстановить зрѣнія. То, что умерло—умерло, и атрофированнаго нерва не возстановить; но дать ощущение зрѣнія радій можетъ, и онъ его даетъ. Вотъ все, чего мы достигли. А что будетъ дальше въ этомъ направленіи—пока говорить рано.

Опытъ кончился. Мы вышли изъ темной комнаты.

Но всего замѣчательнѣе то, что, производя сверхъестественныя явленія, передавая свои сверхъестественныя качества приближающимся къ нему предметамъ, нагрѣвая собою тѣла, радій не теряетъ своихъ свойствъ, не теряетъ вѣса, не измѣняется ни на волосъ. Онъ является неизсякаемымъ источникомъ какой-то волшебной эергіи, силы,—назовите это, какъ хотите.

Надо сказать, что радія въ чистомъ видѣ до сихъ поръ не добыто. То, что называется радіемъ,—есть соединеніе его съ бромомъ, хлоромъ, при чемъ и это соединеніе не чисто, къ нему примѣшаны другіе элементы: барій, уранъ и т. д. Какова была бы его сила, если бы его удалось выдѣлить въ видѣ металла, неизвѣстно. Но и въ нынѣшнемъ состояніи химическаго соединенія его сила и необычайна, и страшна.

Всѣдовавшій со мной докторъ показалъ мнѣ на рукахъ уже присохшія ранки, которыя произошли отъ того, что онъ, работая съ радіемъ, держалъ коробочку въ рукахъ. Онъ показалъ мнѣ

мышать, которые умираютъ потому, что радій находился вблизи ихъ клѣтки. Онъ показалъ мнѣ таракановъ умирающихъ и умершихъ отъ близости радія.

Если укрѣпить радій по близости съ черепомъ человѣка, на растояніи двухъ-трехъ сантиметровъ,

кораблей. Во всякомъ случаѣ достигнутые братьями Лебоди результаты поразительны. На построенномъ инженеромъ Julliot управляемомъ шарѣ, получившемъ по своему цвѣту имя „le Jaune“ (Желтый), удалось описать замкнутую лѣню въ 27 километровъ въ 1 ч. 36 м. Сантосъ Дюмонъ во время своего извѣстнаго полета изъ С. Клу, обогнулъ Эфелеву башню, пролетѣвъ всего 11 килом. и такимъ образомъ превзойденъ теперь и въ продолжительность, и въ длинѣ пути полетомъ Лебоди. Поэтому французскія газеты съ полнымъ правомъ могутъ теперь писать, что „управляемое воздухоплаваніе вступило теперь въ область реального и практическаго осуществленія балхъ мечтаній“. Успѣхъ Лебоди вызываетъ подъемъ духа предприимчивости и изобрѣтательности въ этой области и, можетъ быть, побудитъ нѣкоторыя правительства помочь дальнѣйшимъ успѣхамъ воздухоплаванія, взявъ на счетъ государства нужныя для этого издержки. О прошедшемъ опытѣ управлявшій шаромъ Juchmes сообщаетъ слѣдующія подробности: я поднялся вмѣстѣ съ механикомъ Rey, имѣя всего 120 кг. балласта, сильный дождь увеличилъ вѣсъ шара на 90 кг. При 800 поворотахъ винта мы пролетѣли надъ Деннемонъ по направленію къ Менту. пройдя надъ городомъ съ запада, мы обогнули башню кафедральнаго собора и, пронесаясь надъ Лимъ, вернулись къ Майсекому вокзалу; здѣсь я увеличилъ число оборотовъ винта до 1,000, такъ какъ вѣтеръ на высотѣ 259 метровъ сталъ сильнѣе. Такимъ образомъ, легко преодолѣвъ сопротивленіе вѣтра, я сталъ держать курсъ прямо къ замку Рони; здѣсь надъ паркомъ я сталъ дѣлать повороты по всѣмъ направленіямъ, при чемъ шаръ прекрасно слушался руля; затѣмъ я вернулся къ навѣсу Муоссона; спускъ произошелъ на заранѣе опредѣленномъ для этого мѣстѣ передъ воротами. Употребляемый воздушнымъ кораблемъ Лебоди двигатель въ 35 лошадиныхъ силъ тотъ самый, который предполагалъ взять несчастный графъ Цеппелингъ, для своего ново-отстроеннаго корабля, и вѣрить, по свѣдѣніямъ завода, 315,5 кило (около 20 пудовъ).

И. А. Вельцъ. Березовая роща.

Е. М. Мартынова. Дѣти, играющія въ солдатики.

онъ убѣтъ, но по мѣрѣ удаленія сего губительное дѣйствіе уменьшается.

Воздушный корабль Лебоди.—Вѣроятно, 8 мая 1903 г. ознаменуетъ собой впоследствии начало новой эпохи въ исторіи управляемыхъ воздушныхъ

Слѣдующій №-ръ приложенія будетъ посвященъ имѣющей быть въ г. Томскѣ выставкѣ картинъ художниковъ. Въ настоящемъ №-рѣ даемъ копии съ картинъ И. А. Вельца и Е. М. Мартынова, оригиналы которыхъ будутъ на выставкѣ.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

МУЗЫКАЛЬНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ

П. И. Макушина въ Томскѣ,

РЕКОМЕНДУЕТЪ:

Балалайки,
Примо, Пиколо, Дискантъ,
Альтъ, Секунды, Басъ, Контръ-
Басъ.

Мандолины,
Гитары,
Скрипки,
Альты,
Виолончели.

Въ большомъ выборѣ:

Рояли и Пианино

Петербургскихъ и заграничныхъ фабрикъ.

Я. Беккера,
К. М. Шредера,
К. Гетце,
Г. Леппенбергъ,
П. Сmidtъ,
Ф. Мюльбахъ,
Оффенбахеръ и друг.

Разсрочка на льготныхъ условіяхъ.

Самонагрѣюще инструменты:

Каллиопа,
Интона,
Симфоніоны,
Фортуны,
Монопаны,
Флейты,
Кларнеты
и т. п.

Гармоніи ИТАЛЬЯНКИ.

Трѣйсъ-куррантъ иллюстрированный высылаемъ бесплатно.